

Он был слегка удивлен. Однако, если подумать, через пятьсот с лишним лет достаточно будет включить телевизор, чтобы увидеть несколько экранизаций «Троецарствия», а сейчас из доступного остался лишь оригинал. В это время даже нелепые народные сказки вроде «Повести о Хуа Гуаньсо», где Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй поочередно изводят свои семьи, пользовались невероятным успехом. Неудивительно, что взрослая прислуга... и даже такой выдавший виды знатный господин, как молодой господин Ван, с головой ушли в забаву с переодеванием карточек.

Так что стоило напечатать несколько пробных наборов и выставить их в лавке на пробу.

Поскольку это было довольно дешевое бумажное развлечение с переодеванием, он не рисковал печатать слишком много. Для начала он выпустил стоячие фигуры Лю Бэя, Гуань Юя, Чжан Фэя, Цао Цао, Сунь Цюаня, Чжугэ Ляна, Люй Бу, Чжао Юня и Чжоу Юя в повседневных одеждах и без головных уборов, размером с книжный лист. К каждому набору иллюстрированных карточек прилагался чехол, зафиксированный с трех сторон. Если вставить стоячую фигуру вместе со сменными карточками — головным убором с халатом, доспехами и придворным одеянием — в пазы чехла, получался эффект смены наряда.

Для удобства гравировки, а главное — из желания немного посволочить ноги во время рисования, все персонажи изображались одного роста и в одинаковых позах. Благодаря этому несколько безбородых воевод могли даже обмениваться нарядами друг с другом.

Цуй Се поначалу думал, что покупателями этих карточек станут в основном ученики начальных школ. Напечатав тираж, он даже подарил по набору троим маленьким воспитанникам, чтобы те взяли их домой и похвастались перед сверстниками. Кто бы мог подумать: не успели дети донести картинки до дома, как их заметили старшие туншэн! Они прибежали к нему домой и стали выговаривать, почему он не дал наборы им первым и неужели он не считает их своими друзьями.

Цуй Се пришлось велеть принести наборы, показать им, как складывать карточки для смены нарядов, а заодно спросить, кого именно они хотели бы получить. Вкусы этих ученых мужей отличались от увлечений молодого господина Вана: они предпочитали утонченных и изысканных персонажей вроде Чэнь Гуна, Сюй Шу, Пань Туна, Сюнь Юя и Го Цзя. Кто-то даже попросил Цзи Кана, но этого персонажа даже не было в «Троецарствии», так что Цуй Се наотрез отказал.

К шестому месяцу бумажные карточки с нарядами официально поступили в продажу.

Из-за слухов о вражеских набегах в окрестностях Юнпина и Шаньхайгуаня приезжих купцов стало меньше. Управляющий Цзи приготовил в лавке всего сотню наборов, а остальные велел сыну отвезти в Тунчжоу и столицу, чтобы сдать на реализацию в знакомые книжные магазины. Кто бы мог подумать, что карточки станут продаваться в Цяньани с таким бешеным успехом! Они ничуть не уступали прежним картинкам с красавицами, а оставшегося запаса не хватило бы даже на пару дней торговли.

«Троецарствие» разошлось с таким треском, что практичная бумага с красавицами и натюрмортами отошла на второй план. Управляющий Цзи спешно требовал от печатников дополнительный тираж, едва успевая покрывать спрос. Но к вечеру того же дня в лавку внезапно ворвались несколько воинов в ярко-красных халатах-еса. Они с размаху брякнули серебро на стойку и потребовали затребовали триста наборов с переодеванием.

Управляющий Цзи обшарил всю лавку, но не смог найти столько наборов. Не смея перечить

служивым, он низкопоклонно стал их уговаривать:

— В нашей лавке все эти рисунки заказаны у известных мастеров из дальних краев, за один раз столько не приготовить. Не угодят ли господа военные оставить адрес? Как только наши художники закончат работу, мы сразу же всё вам доставим!

Солдат тоже сгорал от нетерпения:

— Мы едва выкроили это время, нам выезжать из города надо прямо сейчас! Выдавай столько, сколько есть! А оставшееся потом отошлите в усадьбу командира Вана из Правого караула Синтунь. Их молодой господин, сотник Ван, в курсе дела, он потом передаст всё нашему владыке!

Тот, кто мог использовать молодого господина Вана — сына высокого чиновника третьего ранга — в качестве посыльного, заведомо был непростым человеком. Став еще более осторожным, он спросил:

— Осмелюсь спросить, кто ваш глубокоуважаемый покровитель?

Солдат ответил:

— Сотник Ван прекрасно знает, а тебе нечего совать нос не в свои дела! И вот еще: наш господин обожает Второго господина Гуаня и Чжао Цзылуна, так что в усадьбу командира Вана отправляй побольше их картинок. И никаких Сюй Чу!

Управляющий Цзи поспешно согласился. Взвесив серебро, он достал имевшиеся в лавке тридцать с лишним наборов — за исключением Сюй Чу — и поклялся доставить остальное как можно скорее. Как только солдаты ушли, он поручил лавку приказчику Фану из счетной и сам отправился в семью Цуй, чтобы рассказать об этом молодому хозяину и узнать, знает ли Цуй Се такого человека.

Цуй Се растерялся еще больше, чем он. Он покрутил головой и сказал:

— Молодой господин Ван в последние пару дней к нам не заходил, так откуда мне знать, что за важный чин заставляет его бегать на посылках? Давайте пока печатать, а я потом сам схожу к Ванам и обо всем разузнаю.

Ничего другого не оставалось. В конце концов, покупатель попался щедрый и разумный — сначала выложил серебро, а уже потом забрал товар. А продавцам карточек какая разница, для кого готовить товар?

Кое-как собрав нужное количество, он уже собирался отправлять управляющего Цзи в усадьбу командира Вана, как неожиданно молодой господин Ван явился сам. Переступив порог, он даже не стал пить чай, а сразу же с порога потребовал эти карточки.

Наборы как раз лежали в кабинете, и Цуй Се принес их, чтобы тот сам выбрал нужные, добавив, что не понравившиеся можно обменять в мастерской на другие. Молодой господин Ван скромничать не стал. Он отсчитал триста наборов с Гуань Юем, Чжао Юнем, Ма Чао и Люй Бу, велел завернуть их в ткань и упаковать в деревянный ящик. Лишь после этого он перевел дух и осушил большую пиалу кислого сливового отвара с ледяной крошкой.

Он вздохнул и произнес:

— А у тебя все-таки лучше всего! Я все эти дни с седла не слазил, садиться на жесткий стул — чистая пытка! Кто тебе делал эту диванную подушку? Мне тоже надо заказать комплект... Эх, отец мне точно не разрешит сидеть на такой тахте, так что закажу потом для матушки.

— Это столяр Чжао, что живет напротив. Когда я только переехал, попросил его сделать небольшую кушетку с подушками, набитыми утиным и гусиным пухом. Потом его семья стала торговать ими. Выглядят неказисто, зато сидеть одно удовольствие.

Глядя на то, как тот развалился на диване, словно намереваясь пролежать так всю жизнь, Цуй Се не удержался от вопроса:

— Что за важная птица этот господин, раз уж ты так выбиваешься из сил, покупая для него эти картинки?

Молодой господин Ван выдохнул, почесал затылок и с наигранным сожалением, в котором явственно проглядывала гордость, проговорил:

— Тут уж я сам виноват, нечего было хвастаться и вешать твой рисунок в гарнизоне. Позже, когда чжэньфуши Ван с офицерами проводили учения, они одолжили у меня картину и устроили состязание между отрядами: победителям разрешалось выбрать для моего портрета новый наряд. В итоге весь гарнизон только и бредил твоим рисунком!

— А не так давно граф Аньшунь прибыл с инспекцией в Юнпин, и мы как раз сопровождали обоз с провиантом. Мои неотесанные солдаты принялись напропалую хвалиться перед юнпинским гарнизоном. Граф Сюэ захотел взглянуть, что это за картина такая, и мне пришлось отнести ее ему. К счастью, мое лицо его совершенно не впечатлило, так что большую картину он мне вернул, спросив лишь, нет ли оригинальных изображений Гуань-гуна и Чжао Юня.

Цуй Се догадался:

— И ты не сказал, что я могу нарисовать для него портрет? Как-никак, он твой начальник, нарисовать для него картину было бы тебе только на пользу.

Молодой господин Ван усмехнулся:

— Граф Сюэ уже в преклонных летах, ему ни к чему обряжаться в доспехи лихих воевод, как это делаю я. Скорее всего, он просто хочет купить немного разрисованной бумаги в подарок. В конце концов, Маленький принц сейчас разгуливает в районе Датуня, и граница возле Шаньхайгуаня и Юнпина не может вечно оставаться на осадном положении, ему ведь тоже нужно...

Он покрутил головой и добавил:

— Твоя учеба важнее. Если ему так уж приспичит получить картины, я велю Жуань Шэну нарисовать несколько штук. Жуань Шэн уже набил руку на твоих персонажах из «Троецарствия» и тайно просит меня поторопить тебя с новыми рисунками!

Цуй Се улыбнулся:

— Ему ведь не нужны ни портрет, ни сменные наряды, нарисовать их совсем несложно. Вот только придется попросить твоего мастера Жуань поставить подпись — мне ведь еще сдавать государственные экзамены, надо держаться подальше от сомнительной славы «красавицы

Цуй».

До него уже долетали слухи: громкая слава красавицы Цуй достигла столицы. Стоило кому-то заговорить про книжную лавку «Чжизун» или упомянуть его стиль комиксов в технике гунби, как все тут же вспоминали о красавице Цуй. Изменить это впечатление было почти невозможно. Так что ему оставалось лишь надеть еще несколько личин: пока никто не связывает имя красавицы Цуй с ним самим, он может жить совершенно спокойно и открыто!

Вот только было немного жаль...

Достав бумагу и тушь и нанося квасцовую воду на лист, он с легкой грустью подумал: скрываясь под чужими именами, он не сможет подарить подобный набор с переодеванием цяньху Се или нарисовать его лицо в книге, изобразив какого-нибудь юного героя.

— Вот это истинная кисть красавицы Цуй! Рисунок дышит жизнью точно так же, как и твои, словно писан с живой натуры! Ни один из этих подражателей с улицы не способен передать подобный блеск и выражение! — Граф Аньшунь Сюэ Бао развернул свиток, преподнесенный Ван Сянчжэнем, и разглядывал его с нескрываемым восторгом, пощипывая шелковый край обклада.

Лицо Гуань Юя на картине было красным, словно спелый унаби, с длинными бровями и глазами феникса, величественное и грозное. Чжао Юнь же выглядел мягким и статным — в нем не было резкой дерзости обычных юных героев, зато чувствовались душевная чистота и верность.

Недаром это была картина красавицы Цуй! Хотя мастерство владения кистью казалось еще чуть незрелым, в передаче духа и облика она ничуть не уступала древним мастерам Гу Чанкану и У Даоцзы.

И это были герои, рожденные его собственным воображением! А на том, прежнем портрете стоял вылитый юный Ван Сянчжэнь — казалось, он вот-вот пустит стрелу прямо из картины!

<http://bllate.org/book/18372/1761301>